

Всю ночь и весь день после разговора с братом Фэн Сяолин не находила себе места. Она то выходила в сад, то запиралась в собственных покоях, а дорогие одежды на ее теле, серебрянные браслеты и яшмовые ожерелья, ощущались словно кандалы, которые с каждым мигom стальными обручами стягивали грудь. Она не знала, что думать теперь, и мысли в ее голове носились, словно лошади и скакали, словно обезьяны.

Фэн Сяолин никогда не любила своего мужа. То чувство, что она испытывала к нему, нельзя было назвать любовью в ее значении из девичьих романов: сердце девушки не трепетало при виде Пань Таня, она не видела его слова и поступки исключительно правильными, и совсем не готова была страдать за него или вместе с ним. Ощущение, что познала Фэн Сяолин после знакомства, скорее можно было назвать «правильностью» союза между молодыми людьми: они оба были красивы и праведны, происходили из богатых родов, уважали друг друга, и рядом с Пань Танем Фэн Сяолин ждала богатая и свободная от забот жизнь. Это судьба, которая для ее положения была самой понятной и правильной, кроме того сама Фэн Сяолин она совершенно устраивала: потому сейчас она не знала, горевать ей над собственной глупостью, или на нее злиться.

Весь день Фэн Сяолин, смущенная узанными от брата подробностями творимых собственным мужем зверств, не выпускала из рук дочь. Девушке казалось, что лишь так она может управлять своей судьбой и судьбой Чэнхуа, но в глубине души зрело понимание, что она лишь обманывает себя. Когда к вечеру от Пань Таня пришел его доверенный слуга, чтобы отвести Чэнхуа увидеться с отцом, Фэн Сяолин пришлось глубоко вздохнуть и разжать объятия. Раньше вечерами она радовалась, что Пань Тань готов играть с Чэнхуа и не оставляет ее полностью заботам матери и слуг, но теперь сердце ее замирало при одной мысли о том, что этот человек может сделать с девочкой.

Видя состояние своей хозяйки, доверенный слуга аккуратно поинтересовался, что с ней, но Фэн Сяолин сослалась на боли от лунных дней и сказала, что отходит ко сну — вместо того спрятавшись в полных тревог внутренних покоях. Ее личная служанка, Жоулинь, помогла Фэн Сяолин умыться, облачиться в одежды для сна, и усадила у зеркала, принявшись расчесывать длинные волосы девушки. Наблюдая, как зубцы деревянного гребня теряются меж черных прядей, Фэн Сяолин невольно вспоминала слова служанки брата:

«Одежда вся закрытая, старая, волосы сухие и неопрятные...» — это звучало в мыслях девушки, словно злобное предзнаменование. Только узнав о жильце павильона Цветения, Фэн Сяолин истово ненавидела его, называла в своих мыслях блудником и разлучником — но теперь сердце ее болезненно ныло. Она сейчас тут, в окружении слуг и в драгоценностях, подаренных Пань Танем, тогда как всего за несколькими стенами от нее другой человек, возможно, изнывает от боли и несправедливости. Воображение Фэн Сяолин всегда было живым и трепетным, в сердце ее, пусть и выкованном из холодного серебра, было много отверстий, потому она не могла не сочувствовать Ли Инчуню.

Заметив, что госпожа напряжена, Жоулинь убрала гребень и положила ладони на плечи Фэн Сяолин, мягко разминая их. Она оказалась приставлена к своей госпоже в десять лет, потому росла вместе с ней и была хорошо посвящена во все дела Фэн Сяолин. В отличие от хозяйки, Жоулинь обладала куда более прагматичным характером: ей все равно было на страдания незнакомого юноши, которого к тому же называли преступником, но вот печаль своей госпожи она видеть не могла.

— Поберегите себя, барышня, — нежным голосом сказала Жоулинь, разминая плечи девушки.
— Все эти мелкие дела не стоят ваших тревог: оставьте молодому господину разбираться.

— Как я могу, — прикрыв глаза, Фэн Сяолин откинула голову, уложив ее случайно на грудь Жоулинь — но так и оставив. Жоулинь хоть и была на несколько лет старше и почти на цунь отставала от Фэн Сяолин в росте, но обладала крепким телом и пухлой грудью, опустить голову на которую было очень приятно. — А вдруг Пань Тань дальше?..

— Не думайте об этом, госпожа, не думайте, — торопливо прервала Жоулинь. Она чуть распрямила спину, чтобы лежать ее госпоже было удобнее, и переступила с ноги на ногу, невольно плотнее сжав бедра. — Господин хоу с вами целый год обращается, словно с сокровищем — с чего бы ему меняться? Когда вы родили госпожу Чэнхуа, иной муж, тем более военный, мог бы рассердиться, а господин Пань радовался больше прочих. Он вас уважает и ценит, ничего плохого не сделает. А если посмеет — наш молодой господин этого так не оставит.

— Жун-эр слишком порывист, ему бы уйти от этого дела — я боюсь, как бы господин хоу на него не разозлился, — задумчиво протянула Фэн Сяолин, но тут же вновь тяжело вздохнула: — Но и Ли Инчуня я просто забыть не могу. Мне ночами теперь кажется, будто я слышу его стоны — совсем спать не могу.

— Это все лишь ваши тревоги, барышня, от того что сердце у вас нежное, словно лепесток лотоса, — ласково отвечала Жоулинь. Ее руки с плеч Фэн Сяолин на краткий миг скользнули к ее стройной шее, а затем опустились к груди. Сквозь ткань одежд девушка нежно гладила и сжимала тело Фэн Сяолин: та, прикрыв глаза, стала тяжело дышать. Жоулинь между тем говорила, словно журчал лесной ручеек: — Беспокойство рождается в голове, по меридианам спускается к лицу, делая плохим цвет кожи, задерживается в сердце, а дальше собирается в чреслах — отсюда все болезни.

— Много же ты знаешь, — подставляясь под ласки умелых рук Жоулинь, рассмеялась Фэн Сяолин. В покоях госпожи Жоулинь только возжигала благовония, расчесывала волосы Фэн Сяолин и растирала ей чернила — руки ее были гладкими и нежными, теплыми, словно свежая паровая булочка, и очень умелыми. Пальцы девушки сквозь легкую ткань ласково очерчивали коралловые жемчужины, а затем игриво сжимали и оттягивали их — от каждого такого движения девушка начинала дышать тяжело и томно, а бедра ее ерзали по расшитой подушке.

— Конечно, — гордо сказала Жоулинь, не прекращая нежных ласк. Фэн Сяолин, слушая голос, что глубокой вибрацией отдавался в груди, к которой она прижималась, потерлась щекой о мягкую ткань платья Жоулинь. — Если вы помните, барышня, в поместье у нас одно время жила травница, что ходила по горам и собирала там всякое. Она зимой повредила ногу, потому с позволения молодого господина ее мамка Су приютила у нас во внешнем флигеле и выхаживала. Так та травница мне рассказывала и о меридианах, и о ци, и о застое энергии, который ведет к болезням и слабому духу. А также рассказала, как такой застой вывести, чтобы знаете... — руки Жоулинь замерли и она склонилась к заинтересованно открывшей подернутые пеленой наслаждения глаза Фэн Сяолин, чтобы шепнуть ей на ухо: — Чтобы приятнее всего было.

— Ах, какие таланты я, оказывается, у себя собрала, — смеясь, ответила Фэн Сяолин.

Лица служанки и госпожи теперь оказались очень близко друг к другу, и Фэн Сяолин подалась вперед, чтобы поцеловать Жоулинь в алые губы. Пахла девушка сладкими благовониями, и таким же сладким, словно медовым, был ее язык, что яркой змейкой в следующий миг скользнул в рот Фэн Сяолин. Волосы Жоулань собирала в низкий пучок, но от целого дня работы и присмотра за Чэнхуа, которую госпожа от себя не желала отпускать, он совсем растрепался и теперь несколько мягких прядей выскользнули, коснувшись лица Фэн Сяолин.

Подняв руку, та отвела волосы Жоулань за ее заалевшее персиковым цветом ухо, продолжая девушку глубоко целовать. Лишь когда дыхание обеих сбилось и по подбородку Жоулань потекла тонкая струйка слюны — не разобрать уже было, чьей — Фэн Сяолин от нее отстранилась. Жоулань дышала тяжело и сбито, но ласково улыбнулась госпоже:

— Не желаете ли теперь лечь в постель?

Фэн Сяолин кивнула и, поддерживаемая Жоулань под руку, отправилась к застеленной плотным покрывалом кровати. Рядом, на низком столике, уже тлели легкие благовония для крепкого сна, а под одеяло была спрятана грелка: Жоулинь ее сноровисто убрала, а затем закрыла полог, скрывшись за ним вместе с хозяйкой.

Фэн Сяолин со вздохом откинулась на мягкие подушки и развела бедра, наблюдая за Жоулинь. Та окинула девушку долгим взглядом и цокнула языком. Фэн Сяолин тут же рассмеялась:

— Бесстыдница!

— Чем я разозлила барышню? — округлив глаза, спросил Жоулань. Склонившись над Фэн Сяолин, она сначала поцеловала ее в губы, затем несколько касаний легких, словно лепестки вишни, оставила на шее, и зубами несколько раз, не оставляя следов, сжала оголенную грудь. Наконец, устроившись у разведенных ног Фэн Сяолин и нежными поцелуями покрывая внутреннюю сторону ее бедер, Жоулинь продолжала жаловаться: — Молодая госпожа к этой служанке несправедлива: разве я не лишь помогаю вам уснуть? Еще предки говорили — «выпусти дурную кровь и спать будешь словно младенец»! Дурной крови в молодой госпоже нет ни капли, но вот сладкого нектара господин хоу оставляет достаточно...

С этими словами язык Жоулинь, горячий и юркий, коснулся Фэн Сяолин, и та не смогла сдержать родившегося в груди глубокого стона. Бедра девушки невольно сжали голову служанки, а бессильную руку Фэн Сяолин запустила в волосы Жоулинь, притягивая ее к себе ближе.

На силу отдышавшись, стараясь трезвый рассудок сохранить сквозь ритмичные движения Жоулинь, Фэн Сяолин пробормотала:

— Не говори так: все же, он мой муж...

— Муж-муж, толку от него, — проворчала Жоулинь, на миг оторвавшись от своего занятия: ее дыхание опалило Фэн Сяолин, словно осеннее солнце до красноты опаляет листья, и вновь она не смогла сдержать стоны удовольствия. Служанка между тем продолжала: — Сделал свое дело за несколько мгновений и пошел: разве так с нашей госпожой надо обращаться? Ух, показала бы я ему, как петля от удовольствия может моя прекрасная госпожа...

Фэн Сяолин уже не имела сил ответить: запрокинув голову, она пересохшими губами ловила огненный воздух, пока тело ее под напором знакомых и умелых ласк, сладких, словно персики бессмертия в саду небожителей, трепетало напряженной струной. Лишь к третьей страже иссякла его волнующая музыка, а под пологом опавших ярким дождем цветочных лепестков скрылись все тревоги девушки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1759251>